Забѣглый лось.

Чудесное утро въ первой половинѣ августа 1876 года. Я, въ то время кадетъ 4-го класса Кіевскаго корпуса, проснулся на маленькомъ балконѣ отцовскаго дома въ Курской губерніи, Дмитріевскаго уѣзда, сельцѣ Воропаевѣ. На этомъ балконѣ я ночевалъ всегда, впродолженіе всего каникулярнаго времени. Съ жадностью вдыхалъ я въ себя ароматную свѣжесть ранняго утра, которою тянуло на меня отъ нашего вѣкового сада, обрамлявшаго съ трехъ сторонъ старый домъ, и непосредственно касавшагося своими липовыми вѣтвями балкона, на которомъ я кейфовалъ, раскинувшись на кушеткѣ.

Разнообразнѣйшія мысли и грёзы роями кружились въ моей совсѣмъ юной тогда головѣ; но двѣ темы, главнымъ образомъ, преобладали надъ всѣми другими и не давали мнѣ тогда минуты покоя. Это—Сербія, о которой ежедневно только и было разговоровъ, и предстоявшая мнѣ охота съ гончими.—Разсказы отца, стараго военнаго, о войнѣ, сраженіяхъ, туркахъ, ихъ звѣрствахъ, нашихъ храбрыхъ добровольцахъ, генералѣ Черняевѣ — совсѣмъ отуманивали меня, кружили голову. Я не на шутку помышлялъ бѣжать въ Сербію или Черногорію, увлекаемый примѣромъ моихъ двоюродныхъ братьевъ—Якова и Ираклія, которые съумѣли отличиться въ рядахъ черногорцевъ. Подвигъ брата Якова, при отступленіи вынесшаго на плечахъ, подъ градомъ пуль, раненаго черногорца и тѣмъ спасшаго ему жизнь,—былъ описанъ тогда въ газетахъ, и Яковъ получилъ за это дѣло орденъ св. Даніила.

Какъ сейчасъ помню незабвеннаго для меня директора корпуса, генерала Юшенова,—этого рѣдкаго человѣка, память о которомъ я буду всегда свято чтить и хранить,—подошедшаго ко мнѣ, во время обѣда, съ газетой въ рукахъ: онъ спросилъ—есть-ли у меня братья Яковъ и Ираклій, и на мой утвердительный отвѣтъ—прочиталъ мнѣ лестныя для нихъ строки газеты.—„А вамъ туда хочется, за братьями, а?“—закончилъ онъ вопросомъ.—Отъ охватившаго меня волненія я не могъ ничего отвѣчать: я дрожалъ и моргалъ полными слезъ глазами...—Мнѣ тогда не было еще четырнадцати лѣтъ.

Невозможность, по причинѣ крайней молодости, осуществить мою первую идею — попасть на войну, содѣйствовала сильнѣйшему развитію страсти къ охотѣ. Я родился въ семьѣ охотниковъ: дѣды, отецъ, старшій братъ—всѣ были охотники. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ я слушалъ разсказы про охоты, жилъ вѣчно въ охотничьей обстановкѣ, среди охотниковъ, гончихъ, борзыхъ, охотничьихъ предметовъ. Въ кабинетѣ отца, надъ постелью, висѣла громадная шкура бураго медвѣдя, на которой покоился отцовскій шомпольный мортимеръ; вся комната была буквально завалена охотничьими принадлежностями; вездѣ: на столахъ, диванахъ, каминѣ, валялись рога, патроны, охотничьи сумки, мѣстами разсыпанная дробь и пр.

Этотъ охотничій хаосъ очень волновалъ и безпокоилъ мою покойную матушку, но она противъ него ничего не могла подѣлать.

Все время жизни своей въ родной семьѣ я проводилъ на охотѣ или въ отцовскомъ кабинетѣ—въ мечтахъ о той же охотѣ. Сколько разъ матушка моя огорчалась моимъ, по ея мнѣнію, ужаснымъ поведеніемъ, но за меня стоялъ отецъ, который покровительствовалъ и поощрялъ мою страсть къ охотѣ. Съ восьми лѣтъ я носилъ за нимъ сумку съ патронами и не отставалъ отъ него ни на пядь; въ десять лѣтъ я самъ уже пострѣливалъ на нашемъ озерѣ утокъ и даже рѣшался пробираться за ними на „Газину рѣчку“, что было нелегко: около версты нужно было пройти по водѣ въ одной сорочкѣ, держа въ зубахъ патронташъ,

такъ какъ вода мнѣ, маленькому человѣку, мѣстами доходила до подмышекъ. Съ десяти лѣтъ я уже ѣздилъ верхомъ отчаянно и очень любилъ ѣздить за кучера. Не разъ въ этомъ направленіи самовольничалъ; не разъ лошадь возвращалась въ бѣговыхъ дрожкахъ, или съ сѣдломъ—одна, а я спустя нѣкоторое время прикатывалъ на своихъ на двоихъ, нерѣдко прихрамывая, съ оцарапаннымъ лицомъ, въ грязи и въ разорванной курточкѣ. За свои своевольныя дѣянія не разъ получалъ я отъ отца и брата легкія встряски,—но они ничего не достигали... Я не унывалъ и не унимался.

Изъ сказаннаго ясно можно видѣть, что представлялъ я въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ въ то утро, въ началѣ августа 1876 года, когда проснулся на балконѣ; утро, памятное мнѣ по тому охотничьему событію, въ которомъ я, четырнадцатилѣтній мальчуганъ, принималъ дѣятельное участіе.

— Что-же вы, сударь, не встаете? братецъ идутъ уже чай кушать, а вы все подъ одѣяломъ прохлаждаетесь?

Такими словами прервалъ мои мечтанія старый лакей нашъ, бывшій дворовый, внося на балконъ подносъ съ чайными принадлежностями.

— Сейчасъ, сейчасъ, Яковъ, голубчикъ! въ одну минуту одѣнусь! А что, братъ приказалъ Бушую на охоту собираться?—спросилъ я, быстро соскакивая съ кушетки и одѣваясь.

Наканунѣ вечеромъ я упросилъ брата устроить охоту съ гончими. Братъ обѣщалъ, несмотря на первую половину августа, т. е. такое время, когда никакой охоты съ гончими нѣтъ. Но мнѣ 12-го числа нужно было уже уѣзжать въ корпусъ — и осени не приходилось дожидаться; почему и отцомъ мнѣ разрѣшалось погонять зайчишекъ. На этихъ охотахъ съ ружьемъ былъ только я одинъ, слѣдовательно, если что и убивалось, то только мной, и я геройствовалъ.

Счастливое, невозвратное время!

Отца въ то утро не было дома, онъ былъ въ другомъ нашемъ имѣніи, въ Полтавской губерніи, а въ Воропаевѣ заправлялъ всѣмъ братъ и отъ него все зависѣло.

— Давно, сударь, все готово. Егоръ Ликсанчъ въ рожокъ сами подавали собираться.—А вы и не слышали!.. Эхъ, охотники!

Яковъ забралъ съ кушетки мою постель и вышелъ. За нимъ въ припрыжку бросился и я оканчивать свой туалетъ.

Вернувшись черезъ десять минутъ на балконъ, я засталъ брата уже хозяйничавшимъ за кипѣвшимъ самоваромъ. Стремительно бросился я къ нему на шею и началъ благодарить за исполненіе обѣщаннаго, столь страстно ожидавшагося мною удовольствія.

Замѣчу, между прочимъ, что августъ мѣсяцъ, т. е. послѣдніе дни, которые я проводилъ въ родной семьѣ,— были дни самые счастливые! Всѣ члены семьи были со мной на прощаньи особенно ласковы; мнѣ все извинялось, и я своевольничалъ уже окончательно.

Утро было восхитительное, полное свѣжести и аромата.

Только что мы принялись, оживленно бесѣдуя, пить чай, какъ вниманіе наше было привлечено какимъ-то мужичкомъ, во всю прыть погонявшимъ свою немудрую лошаденку по направленію къ нашей усадьбѣ.

— Сашокъ, а вѣдь это онъ къ намъ ѣдетъ... Не съ Рышковой ли это кто? Не случилось-ли тамъ чего,—обратился братъ ко мнѣ съ вопросами.

Въ Рышковой, отстоявшей отъ насъ въ десяти верстахъ, жила наша родная тетка и крёстная мать, и тамъ были сейчасъ наша матушка и сестра-институтка, а потому вопросъ и догадка брата были вполнѣ естественны, тѣмъ болѣе, что гонцы между Воропаевой и Рышковой, по случаю дружбы двухъ родныхъ семействъ, были постоянные.

Я не успѣлъ еще ничего отвѣтить брату, какъ мужичекъ, завернувшій въ дальнія ворота нашего двора, и направившійся было къ рабочему флигелю, увидавъ знакомыхъ господъ на балконѣ, круто повернулъ къ намъ съ слѣдующими словами:

— Батюшка, Егоръ Ликсанчъ, скорѣе къ намъ, въ Погорѣльцеву! Ѣхалъ я, значитъ, съ поля съ копнами,

анъ гляжу, съ нашего лѣса огромная дикая корова на рысяхъ вымахнула! Перебѣжала черезъ поле и залегла въ поповскихъ конопляхъ! Я сейчасъ свалилъ снопы на дворѣ, да и погналъ къ вашей милости! Звѣрь диковинный!..

Что произошло послѣ этой краткой рѣчи, скороговоркой сказанной запыхавшимся мужичкомъ, описать невозможно. Братъ и безъ того по природѣ горячій человѣкъ, теперь такую „горячку заточалъ“, что и представить себѣ трудно! Я, въ свою очередь, отъ него не отставалъ: неистово оралъ, метался изъ стороны въ сторону, всѣмъ мѣшалъ, путалъ приказанія, и въ довершеніе всего налетѣлъ на старую ключницу со всѣхъ ногъ, такъ что она упала.

— Сѣдлать скорѣй! Телѣги подъ гончихъ! Гдѣ аранникъ! Борзыхъ всѣхъ! Картечь давай! — слышалось отовсюду.

— Яковъ, сапоги живѣе!.. свирѣпѣлъ братъ.

Николка, прибѣжавшій было доложить, что приказали всѣхъ борзыхъ, а Злодѣй хромаетъ, получилъ отъ брата такое словечко въ отвѣтъ, которое вѣроятно разрѣшило всѣ его недоразумѣнія, и опъ опрометью вылетѣлъ изъ кабинета. Какъ сейчасъ помню весь этотъ гвалтъ.

— Саша, садись на Бурку! не унимался братъ.

— Ни за что на Бурку, я на Киргиза, — оралъ я въ отвѣтъ, зубами вытаскивая въ это время шомполъ съ наклею и торопясь перезарядить свое ружье картечью. Пуль въ домѣ и въ заводѣ не было.

Но надо отдать намъ справедливость: черезъ какія-нибудь 20—30 минутъ вся охота наша неслась уже на рысяхъ по дорогѣ въ Погорѣльцеву, до которой было не болѣе $2^1/_2$ верстъ.

Вотъ какой видъ представляли мы со стороны: впереди, на характерномъ Киргизѣ, несся я; Киргизъ горячился и я едва съ нимъ справлялся; за мной братъ на лѣвой пристяжной изъ тройки, караковомъ жеребцѣ; за братомъ кучеръ, дѣтина 10 вершковъ, нашъ любимецъ и многимъ извѣстный—Василій Бѣловъ, на забракованномъ мною, старомъ дончакѣ—Буркѣ; за нимъ борзятники, братья Николка и Гришка Акульцовы; на маленькомъ, сытомъ ме-

репкѣ трепался старый доѣзжачій — Бушуй; за нимъ двѣ телѣги, управляемыя нашими ребятами, съ гончими, которыхъ было штукъ двадцать или нѣсколько больше; вокругъ всѣхъ насъ посились борзыя на волѣ,—ихъ не успѣли взять на своры,—ихъ было штукъ 10—11; замыкалъ шествіе выжлятникъ—Ванька Бушуенокъ, сынъ доѣзжачаго, конечно, верхомъ. Вся эта орава неслась на полныхъ рысяхъ по дорогѣ въ Погорѣльцеву, неистово крича всякому встрѣчному, который и безъ того съ испугомъ кидался въ сторону, уступая дорогу.

Только въ эти нѣсколько минутъ, которыя мы употребили на переѣздъ отъ дома до поповскихъ конопляниковъ, я могъ сколько-нибудь отдать себѣ отчетъ въ происходившемъ. Изъ отрывочныхъ фразъ, которыми перекинулись мы съ братомъ и доѣзжачимъ, мнѣ стало ясно, что мы имѣемъ дѣло съ забѣглымъ лосемъ. Тутъ мнѣ вспомнилось, что нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ, въ лѣсу, на „Пловахъ", тоже былъ встрѣченъ отцомъ и братомъ, бывшими на охотѣ,—лось; что братъ, тогда еще гусаръ, стрѣлялъ по немъ, но лось ушелъ и былъ потомъ убитъ, кажется, Мокрошанскими мужиками. Я былъ тогда еще такъ малъ, что не составилъ себѣ изъ этихъ разсказовъ никакого опредѣленнаго понятія о лосѣ. Онъ, лось — мнѣ казался теперь диковиннымъ, громаднымъ звѣремъ, охота на котораго должна была быть сопряжена съ страшной опасностью. Все это волновало меня, а воображеніе, подогрѣтое уже Майнъ-Ридомъ и Эмаромъ, рисовало мнѣ совершенныя чудеса.—Но минуты переѣзда пролетѣли и я опять потерялъ голову.

Прежде чѣмъ продолжать дальше, постараюсь познакомить читателей съ мѣстностью, на которой происходила описываемая мною охота.

Съ нашей стороны, около Погорѣльцева, мѣстность представлялась въ то время такою: вправо отъ дороги, ведущей на мостикъ и въ село, было небольшое, чистое, пространство, тянувшееся не болѣе какъ версты на полторы, за которымъ начинались, можно сказать, безконечные лѣса. Смежныя дачи: наша, Погорѣльцевскихъ одно-

дворцевъ, Смецкихъ и Мокрошапскихъ крестьянъ—раздѣлялись только рѣчкой Сваной отъ казенной Колпинской дачи; эта послѣдняя, въ свою очередь, разными перелѣсками соединялась съ лѣсами Орловской и Черниговской губерній - значитъ съ лѣсами Стародубскими и Брянскими или Брынскими, какъ ихъ въ старину называли. Оттуда, изъ этихъ-то невѣдомыхъ краевъ, забѣгали къ намъ рѣдкіе гости, представитель которыхъ и въ описываемое мною время пришелъ къ намъ сложить свою голову.

Братъ, которому было уже 23 года, смекнулъ, что заѣхать надо именно съ этой стороны, чтобы отрѣзать лося отъ лѣсного раіона и бросить его въ поля.

Влѣво же, непосредственно отъ дороги, начинался поповскій огородъ, засѣянный конопелей, величиной въ десятину или полторы; затѣмъ огородъ переходилъ въ поля, сначала Погорѣльцевскія, потомъ наши, къ нашимъ съ лѣвой стороны примыкали поля большой Кармановской экономіи, принадлежавшей раньше моему дѣду Николаю Петровичу, теперь же—купцу Минаеву. Верстахъ въ десяти отъ Погорѣльцевой, по направленію къ деревнѣ Аншенковой, поля эти перерѣзывались шляхомъ—по мѣстному, большой дорогой, обсаженной ракитами и березами, ведущей изъ г. Фатежа въ г. Дмитріевъ. И только за этимъ шляхомъ, можетъ быть въ верстѣ отъ него, начинался небольшой колокъ дубоваго лѣса, носившій названіе Аншенковской дубровы, если не считать небольшого остатка Кармановской дубровы, уже тогда сведенной почти тароватымъ купцомъ. Мѣстность эта представляла собой совершенно ровное, гладкое плато, на которомъ споткнуться было негдѣ. Поля были почти убраны, и только кое-гдѣ стояли копны несвезеннаго на гумна хлѣба. Вотъ на этомъ то плато произошла, можно сказать, знаменитая наша охота на лося!

Не успѣлъ братъ окончить послѣднія слова приказанія, обращеннаго къ Бушую о томъ, какъ бросать гончихъ; не успѣли мы не только стать на мѣста, но и подумать о томъ, какъ оцѣнить конопляникъ, въ которомъ, по увѣренію мужика, залегъ лось,—какъ изъ зелени конопли,

недалеко отъ края, прилегавшаго къ полю, т. е. какъ разъ на сторонѣ огорода, противоположной той, на которой мы стояли—поднялся лось. Быстро, съ гиганьемъ и порсканьемъ, кто какъ могъ и умѣлъ, кинулись мы на него. У всѣхъ была одна мысль: заставить лося бѣжать въ поля.

Удайся лосю завернуть въ лѣса, разумѣется только-бы мы его и видѣли? Но намъ поталанило: лось бросился прямо въ поля и именно въ направленіи къ Анненковой дубровѣ; иными словами: онъ далъ намъ возможность преслѣдовать себя на чистомъ мѣстѣ и на протяженіи десяти верстъ до ближайшаго лѣса.

Неистово атукая, вынеслись мы на ту сторону конопли и полетѣли за быстро удалявшимся лосемъ! Заревѣли по зрячему гончія, мигомъ воззрились борзыя, и началась та бѣшеная скачка, чисто парфорсная охота, которая не часто можетъ выпасть на долю!

Сразу вся охота вытянулась: впереди всѣхъ махалъ огромный звѣрь; къ нему дружно спѣли борзыя, породы собакъ Воропановыхъ; за ними летѣлъ, впереди всѣхъ всадниковъ, на той Буркѣ, – старомъ донцѣ, которымъ я такъ пренебрегъ,—кучеръ Бѣловъ; за Бѣловымъ братъ, потомъ еще кто-то изъ борзятниковъ, и наконецъ я, увы! чуть ли не послѣднимъ, на своемъ, въ тѣ минуты и понукаемомъ, и проклинаемомъ на всѣ лады—Киргизѣ! Я ли не возлагалъ на него надежды! И вотъ онъ, прòклятый, машетъ по-волчьи и уступаетъ всѣмъ переда!

Я помню моментъ, когда борзыя были около лося. Родилась мысль: вдругъ задержутъ! Но не успѣла она родиться, какъ и погасла: лось, буквально, сталъ уходить отъ охоты, какъ отъ стоячей!

Я видѣлъ только звѣря!.. Я барабанилъ, что было мочи, ногами по бокамъ своего Киргиза, и летѣлъ, несмотря ни на что, придерживая правой рукой прикладъ болтавшейся за спиною двухстволки, и судорожно сжимая лѣвой поводья!—Разстояніе между Бѣловымъ и лосемъ все увеличивалось...

А тутъ на бѣду день разгулялся жаркій и собаки стали замѣтно зарьявать... Я помню, какъ я проскакивалъ

мимо уже лежавшихъ борзыхъ съ высунутыми, громадными, красными языками. Гончихъ я скоро тоже не видѣлъ больше. Сначало слышалъ ихъ ревъ назади, перешедшій потомъ, по мѣрѣ удаленія моего, въ какой то стонъ, который все слабѣлъ и слабѣлъ. А потомъ я уже ничего не слышалъ, а только видѣлъ то, что было впереди.

Проскакалъ я мимо полетѣвшаго вмѣстѣ съ лошадью борзятника, и очутился, такимъ образомъ, третьимъ: Бѣловъ, братъ и я.—Далеко впереди насъ мчался лось.—Какъ сейчасъ помню его плавный бѣгъ,—безъ малѣйшаго подскока.

Теперь уже на собакъ надежды нѣтъ! Выдержатъ кони, заморимъ лося—хорошо! Нѣтъ—уйдетъ!.. Разъ звѣрь даже скрылся изъ виду за небольшимъ переваломъ, но когда я доскакалъ до этого послѣдняго, то увидѣлъ его опять, сильно измѣнившаго свое первоначальное направленіе и покосившаго къ виднѣвшейся невдалекѣ Кармановской дубровѣ.

Сдалъ ли бѣгъ лось, или то обстоятельство, что Бѣловъ, по которому и мы съ братомъ держались, срѣзалъ часть пути, но только разстояніе между лосемъ и Бѣловымъ, а также слѣдовательно и нами, замѣтно уменьшилось.

Вотъ я догоняю брата; его лошадь совсѣмъ уже отказывается скакать; мой Киргизъ тѣмъ же волчьимъ ходомъ обходитъ братнина пристяжного. Братъ что-то кричитъ,—не слышу! Вижу лось добѣгаетъ до небольшихъ, рѣдкихъ, разбросанныхъ по жнивью кустиковъ;—это мѣстечко на нашемъ полѣ носило названіе Косицъ.—Соображаю, что мы проскакали верстъ семь уже.

Вдругъ лось пошелъ совсѣмъ тихо. Вижу, какъ Бѣловъ заѣзжаетъ между Косицами и Кармановскимъ колкомъ и направляется прямо на лося. Тотъ и не думаетъ прибавлять ходу! Еще моментъ—лось и всадникъ рядомъ! Лось вздыбилъ... и его переднія ноги опускаются между всадникомъ и головою лошади... Вижу, какъ молодецъ Бѣловъ бьетъ звѣря свинчаткой арапника по головѣ и самъ сваливается съ лошади... Лось поворачивается и бѣжитъ дальше, прямо уже по дорожкѣ, ведущей на шляхъ, виднѣющійся вдали.

Бѣлову такимъ образомъ удалось отрѣзать лося отъ лѣска, хотя и небольшого, но въ которомъ мы легко могли потерять его изъ вида, а то пожалуй и совсѣмъ.

Бѣловъ опять на Буркѣ! Опять скачка... Но она уже совсѣмъ другого характера: звѣрь и лошади бѣгутъ уже послѣдними силами! Бѣловъ совсѣмъ на хвосту; я въ двадцати шагахъ за нимъ. Слышу, — братъ кричитъ: „стрѣляй!“

Въ это время лось опять измѣняетъ направленіе; вотъ онъ между мною и Бѣловымъ. Я соскакиваю съ коня и быстро стрѣляю, цѣлясь въ переднюю часть туловища: разъ... другой! Лось какъ будто не обращаетъ даже вниманія на мои выстрѣлы. Я тороплюсь зарядить хоть одинъ стволъ ружья, сажусь и снова скачу за удалѣвшей охотой.

Вижу, братъ, который обскакалъ меня, пока я возился съ ружьемъ, прицѣливается съ коня: бацъ, бацъ! Лось падаетъ на колѣни, справляется... опять идетъ.

Переваливаемся всѣ черезъ шляхъ. Вотъ и Анненковская дуброва...

Но тутъ лось совсѣмъ ослабѣваетъ; братъ дѣлаетъ еще два выстрѣла (у него была Ланкастеровская централка)... Лось останавливается... Я опять слѣзаю съ Киргиза, подбѣгаю и стрѣляю почти въ упоръ... Лось грузно рухнулъ на землю... въ ста шагахъ отъ лѣса и въ десяти верстахъ отъ начала охоты! Братъ соскакиваетъ съ сѣдла и прикалываетъ лося кинжаломъ. И—лось нашъ! Побѣда!

Ни борзой, ни гончей, и никого изъ людей, кромѣ Бѣлова, проваживавшаго вокругъ насъ измученныхъ лошадей.

Я и братъ садимся на лося, и братъ подаетъ въ рожокъ позывъ „сборъ“, но отвѣтнаго нѣтъ. Слышимъ колокольчикъ и видимъ вдали по большой дорогѣ пылитъ тройка изъ Фатежа. Поровнявшись съ нами, тройка переходитъ въ шагъ, сворачиваетъ на жнивье и направляется прямо къ намъ. Подъѣзжаютъ какой-то пожилой господинъ и съ нимъ миловидная барышня. Они очарованы картиной! Рекомендуемся: братья Анненковы! Оказывается фатежскій помѣщикъ; къ сожалѣнію, фамиліи его теперь

ужъ не припомню,—я его ни раньше, ни позже того случая не видѣлъ.—Со стороны его посыпались намъ комплименты!.. Я принимаю видъ героя, охорашиваясь передъ барышней!.. Слышенъ вдали рогъ доѣзжачаго; братъ откликнулся. Пожавъ руки помѣщику и ручки его хорошенькой дочкѣ, разстаемся съ случайными свидѣтелями нашей удачи.

Подъѣхалъ Бушуй; разсказываетъ намъ то, чему мы не могли быть сами свидѣтелями, что произошло позади насъ: борзыя и гончія, зарьявши, валяются по полю на протяженіи десяти верстъ; Гришка повелъ домой лошадь, которая при паденіи повихнула ногу и сильно захромала; борзой кобель, любимецъ брата—Карай—палъ! Зарьяла рѣзвая собака! Помню, какъ братъ тосковалъ и сокрушался по немъ. Да и какъ не жалѣть! Первая собака была на братниной сворѣ! И я хорошо помню его: вершковъ 17 въ наклонѣ, съ сильной напружиной, ребро спущено пониже локотковъ, одѣтъ черной съ сѣринкой псовиной, мягкой, шелковистой; взглядъ блестящій, глаза большіе, выразительные. Ни у одной собаки не было такихъ глазъ! На что матушка ненавидѣла псовъ и сильно огорчалась, видя ихъ въ комнатахъ, и то, бывало, когда Карай подойдетъ, положитъ ей свою голову на колѣни, посмотритъ на нее своими умными глазами, ей ничего не оставалось, какъ дать ему какой-нибудь лакомый кусочекъ; и при этомъ она, бывало, скажетъ далеко невраждебнымъ тономъ:—„Ну, ступай теперь, ступай!“—Особенно характерно носилъ правило Карай, какъ-то совсѣмъ по-волчьи поджимая между ногъ, подъ брюхо, хотя далеко не былъ сиротливаго нрава.—Да, хорошая была собака! Да и потеряли ее задаромъ! Охота сложилась такъ, что собаки оказались совершенно лишними. Другое дѣло было бы, если бы лось кинулся къ р. Свапѣ; ну, тогда собаки поработали-бы! А гончія были хорошія! Не разъ за матерымъ куманькомъ переплывали Свапу, переводя сѣраго пріятеля съ Колпинской дачи въ нашу, и обратно.

Но я уклонился отъ разсказа, вспоминая Карая.

Начали мало-по-малу подваливать на рога гончія; за

ними борзыя; подъѣхала одна телѣга наша; подрысилъ Бушуенокъ, за нимъ—Николка. Взвалили мы соединенными силами лося на телѣгу и тронулись на Карманово домой.

Только смерть Карая омрачала наши побѣдныя лица; и то, подъ впечатлѣніемъ горячихъ разсказовъ каждаго изъ участниковъ охоты о всѣхъ перипетіяхъ ея,—намъ удавалось забывать потерю любимой собаки.

— Ну-ка, Николаша, утѣшь, затяни пѣсенку,—скомандовалъ братъ!

— Какую-же пѣсенку затянуть прикажете, Егоръ Ликсанчъ, (брата звали Георгій Александровичъ, но наши мужички не называли иначе, какъ Егоръ Ликсанчъ, а меня—Ликсанъ Ликсанчъ), переспросилъ Николка.

— Ну, валяй эту, какъ ее—„Драгунушка молодой"—только повеселѣе, подсказалъ братъ.

Николка откашлялся, поправилъ выбившіяся изъ-подъ картуза свои русыя кудри, вздернулъ молодецки плечами и чистымъ, груднымъ голосомъ запѣлъ:

„Пріѣ-ѣ-ѣхалъ драгу-у-нушка молоденькій
„Ко вдовушкѣ въ го-ости!.....

Дружно подхваченная молодыми голосами молодецкая пѣсня, перехваченная на пути набѣжавшимъ вѣтеркомъ, понеслась по чистому полю разсказывать полямъ и доламъ про нашу удачу. И не замѣтили, какъ пріѣхали въ Карманову. Тутъ опять поднялся содомъ. И мужики, кто былъ на селѣ,—а про бабъ, дѣвокъ и ребятишекъ и говорить нечего,—окружили насъ съ вопросами, восклицаніями удивленія и разными поздравленіями. Однимъ словомъ, былъ общій восторгъ. Лестными для насъ замѣчаніями такъ и сыпала эта группа добродушныхъ и милыхъ людей:

— Вотъ такъ господа наши!

— Экъ, какую махину свалили!

— Корова, знать, дикая!

— Ай да господа! Молодцы!

— Гляньте-ка, дѣвушки, губа-то у яго, губа, взвизгнула какая-то вострука-дѣвка, пораженная характерной верхней губой убитаго лося, голова котораго свѣшивалась

съ телѣги, а губа безпомощно шлепала при каждомъ толчкѣ колеса.

Эта толпа крестьянъ провожала насъ черезъ весь выгонъ, раздѣлявшій Карманову отъ нашей деревни; тамъ присоединились наши Воропаевскіе, и весь этотъ кортежъ шумно и весело ввалился, наконецъ, на широкій дворъ нашей усадьбы. Тутъ же, на дворѣ, при мнѣ и братѣ, не отходившихъ изъ любопытства ни на шагъ, была съ лося снята шкура; освѣжевали его, и въ тотъ же день разослали части рѣдкой дичинки нашимъ добрымъ сосѣдямъ. И долго еще нашъ поваръ Устинъ кормилъ и насъ всѣхъ лакомымъ блюдомъ.

А ужъ разсказамъ про охоту—конца не было.

Дѣйствительно, въ нашей мѣстности лось и медвѣдь—это такіе рѣдкіе гости, которые своимъ появленіемъ производили большой переполохъ въ сравнительно небольшой, въ то время, средѣ мѣстныхъ охотниковъ. И нужно было быть особенно счастливымъ, чтобы встрѣтиться и завладѣть рѣдкимъ звѣремъ. Имѣніе отца было очень выгодно расположено въ охотничьемъ отношеніи, поэтому немудрено, что два извѣстныхъ мнѣ случая захода въ нашъ край лосей—оба выпали на долю нашей семьи; только первымъ лосемъ, какъ я упомянулъ уже выше, мы не съумѣли воспользоваться. Да и что въ этомъ мудренаго! Какіе мы могли быть звѣровые охотники, живя въ Дмитріевскомъ уѣздѣ Курской губерніи? Ни опыта за нами, ни необходимыхъ принадлежностей.

Вотъ наша охота на забѣглаго лося.

Давно это было: я былъ совсѣмъ мальчикомъ, а теперь мнѣ уже тридцать. Давно я собирался описать этотъ рѣдкій, по мѣстности, и интересный случай въ нашемъ любимомъ журналѣ „Природа и Охота“, все хотѣлъ подѣлиться имъ съ товарищами по страсти, но все откладывалось и откладывалось: то недосугъ, то боязнь, что за недостаткомъ таланта, могу наскучить товарищамъ-охотникамъ своимъ незатѣйливымъ разсказомъ. Но вотъ рѣшился, постарался вспомнить всѣ подробности этой охоты, и, увѣренъ, главнаго ничего не упустилъ, а если и есть

погрѣшности, то въ мелкихъ подробностяхъ, которыя не могутъ составить въ данномъ случаѣ сути дѣла. Скажу больше: не только рѣшился, но обязанъ былъ вспомнить про эту охоту и описать ее въ подробностяхъ.—Спросите, отчего такъ?—Отвѣчу вамъ: для того, чтобы оправдать себя отъ взводимаго на меня, тяжелаго для каждаго охотника въ душѣ,— обвиненія. Незаслуженная обида, злая иронія заставили меня взяться за перо, бросить дѣла и постараться освѣтить этотъ случай и доказать человѣку, такъ неделикатно затронувшему мое самолюбіе—всю неправоту его.

Возьмите, товарищи-охотники, читатели нашего симпатичнаго журнала,—августовскую книжку его за 1890 г. и на стр. 26, II час., вы прочтете строки, писанныя г. Анофріевымъ: „лоси забѣгаютъ въ уѣздъ очень рѣдко. Послѣдній случай, который я привожу, былъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Однажды, близъ деревни Воропаевой, крестьянами былъ замѣченъ невиданный звѣрь. Дали знать помѣщику г. А. Анн—ву, который вдвоемъ съ братомъ, захвативъ съ собою по ружью и еще борзыхъ собакъ, верхами бросились по указанному направленію. Дѣйствительно, недалеко отъ деревни замѣтили лося, который началъ уходить, чему повидимому мѣшала лежавшая (?) *на пути высокая рожь*. Охотники пустили борзыхъ, тѣ дошли до лося *и остановили его* (!), но справиться, конечно, не могли. Увидѣвъ спѣвшихъ всадниковъ, лось снова побѣжалъ, но преслѣдуемый собаками вскорѣ ослабѣлъ, такъ что охотники догнали его и на скаку сдѣлали четыре выстрѣла Лось упалъ... *Чтобы пояснить этотъ случай и достойнымъ образомъ отмѣтить заслуги охотниковъ, необходимо прибавить, что звѣрь оказался тельной лосихой*“...

Что это за странный разсказъ? Это вѣдь не анекдотъ, подобный разсказанному г. же Анофріевымъ въ той же статьѣ, на стр. 20, про кн. Ш. и сѣраго волка? Это разсказъ, съ указаніемъ фамилій дѣйствующихъ лицъ,—разсказъ, бросающій на этихъ лицъ неблагопріятную тѣнь,— разсказъ, въ которомъ авторъ иронизируетъ по адресу участниковъ извѣстнаго происшествія. — Такіе разсказы

безъ вниманія и отвѣта оставлять нельзя; нужно, именно, выражаясь словами г. Анофріева: „пояснить этотъ случай...“ и „достойнымъ образомъ отмѣтить заслуги...“— автора.

Г. Анофріевъ пишетъ, что я съ братомъ бросились за лосемъ, „захвативъ съ собою по ружью *и еще борзыхъ собакъ*“. Иными словами: г. Анофріевъ удивляется, что мы,—на такое ничтожное животное, какъ лось, вооружились не только ружьями, но „и еще борзыхъ собакъ“ взяли!—Удивляться всякій воленъ, конечно... Удивляюсь и я смѣлости г. Анофріева, читая его замѣтку про мою съ братомъ охоту на лося! Еще болѣе удивляюсь я тому, отчего г. Анофріевъ остановился на своемъ удивленіи, что мы взяли кромѣ ружей „и еще борзыхъ собакъ!“ Г. Анофріеву нужно было бы высказать при такомъ удобномъ случаѣ свои авторитетныя мнѣнія и знанія, предложить охотникамъ другія средства и способы охоты на „невиданнаго звѣря“. Напримѣръ: захватывать съ собою при подобныхъ случаяхъ бумажнаго змѣя, что ли, при видѣ котораго лось засовывалъ бы свою голову въ снопы ржи?... Вѣдь дѣлаютъ-же такъ куропатки! Или брать съ собою флейту и музыкой производить на лося волшебное дѣйствіе, слѣдствіемъ котораго было бы то, что лось, засыпая, подошелъ бы къ охотнику и осторожно преклонилъ бы передъ нимъ свои колѣна! А то—экая невидаль: бр. Анненковы, ѣхавши на лося, „захватили съ собою по ружью и еще борзыхъ собакъ!“ Точно на волка собрались!

Иду дальше. Но дальше г. Анофріевъ храбро вступаетъ на поле фантазіи: лось сталъ уходить, ему мѣшаетъ на пути лежащая (!) высокая рожь; но лихія борзыя бр. Анненковыхъ безъ угонки берутъ его! Останавливаютъ! И, вѣроятно, за гачи, потому, по мѣсту, пожалуй, не достать! Эта самая „лежащая, высокая рожь“, мѣшающая бѣгу страшно сильнаго звѣря, убивающаго легкимъ ударомъ задней ноги человѣка наповалъ,—не только не мѣшаетъ скачкѣ борзыхъ, не только не закрываетъ борзымъ всего, что впереди ихъ, но, „повидимому“, волшебнымъ образомъ обращаетъ ихъ въ крылатыхъ драконовъ, въ

Змѣевъ-Горыничей, которые въ высокой ржи останавливаютъ лося, и сей послѣдній, парализованный ихъ мощью и силой, не думаетъ или забываетъ даже обороняться и старается только удрать, поджавъ хвостъ, отъ могучихъ борзыхъ, какъ дѣлаетъ прибылой волченокъ! Но тутъ налетаютъ охотники и на скаку дѣлаютъ четыре выстрѣла! Невиданный звѣрь падаетъ.... А можетъ быть катится черезъ голову, какъ русакъ?

Умеръ къ несчастію нашъ маститый псовый охотникъ, глубокоуважаемый П. М. Мачеваріановъ! Онъ, прочитавъ описаніе охоты нашей на лося, сдѣланное г. Анофріевымъ, увидѣлъ-бы свое заблужденіе:—не имъ вырощенныя и не имѣющія себѣ соперниковъ борзыя, берущія матераго волка браскомъ въ одиночку, и безъ осѣчки ловящія рѣзвыхъ русаковъ—не онѣ знамениты, не эти собаки...—А вотъ чудо-борзыя были у гг. Анненковыхъ въ Курской губерніи, Дмитріевскаго уѣзда! Эти драконы растягивали лося, какъ котенка! Махнуть ногой ему не давали! г. Анофріевъ удивлялся даже, когда Анненковы брали съ собой на охоту за лосемъ ружья и борзыхъ...—Однихъ борзыхъ такихъ было бы довольно!

А вы, товарищи-охотники, отличные стрѣлки—А. В. Джаксонъ, выбивающій на садкахъ безкурковаго Брендлина и безъ промаха стрѣляющій бекасовъ, Н. И. Чайковскій, стрѣляющій изъ револьвера воробьевъ и пересѣкающій изъ двухъ выстрѣловъ натянутую проволоку пулей, и всѣ товарищи по страсти, хорошо стрѣляющіе, — что у васъ за стрѣльба! Вотъ прочтите разсказъ г. Анофріева объ охотѣ моей съ братомъ на лося: мы на карьерѣ четырьмя выстрѣлами кладемъ громаднаго звѣря!...

Затѣмъ г. Анофріевъ даетъ уже полный просторъ своему неудовольствію противъ меня; – мы читаемъ; *„и чтобы пояснить этотъ случай и достойнымъ образомъ отмѣтить заслуги охотниковъ, необходимо прибавить, что звѣрь оказался тельной лосихой“*...

Прежде чѣмъ разбирать эти строки я долженъ сдѣлать оговорку: да не подумаютъ читатели, что я сдѣлалъ г. Анофріеву когда-нибудь и что-нибудь непріятное, и что

поэтому „перо его местію дышетъ:—я не только никогда не видалъ г. Анофріева, но до прочтенія его статьи даже не слыхалъ его фамиліи.

Итакъ, по словамъ г. Анофріева была убита „тельная лосиха“. Убитый лось оказался дѣйствительно лосихой, ибо не имѣлъ роговъ. Извѣстно что самцы только къ Рождеству сбрасываютъ рога, а тутъ дѣло было къ Успенію; слѣдовательно это была лосиха, ибо, повторяю, на головѣ убитаго лося роговъ не было, такъ же точно, какъ не было на полѣ ни „лежащей“, ни стоящей высокой ржи, потому что въ Курской губерніи рожь убирается съ Ильина дня, т. е. съ 20-го іюля! Такъ значитъ несомнѣнно убита была лосиха. Но несомнѣнно также и то, что лосиха эта не могла въ августѣ мѣсяцѣ быть *стельной*! г. Анофріевъ можетъ удивиться столь твердо высказанному мною мнѣнію, что въ августѣ лосиха не могла быть стельною,—но это такъ! А чтобы г. Анофріеву разсѣять свое заблужденіе надо сдѣлать немного: надо только сознаться, что онъ съ жизнью животныхъ несовсѣмъ еще познакомился—разъ, и—что нельзя писать разсказъ, выставляя фамиліи дѣйствующихъ лицъ, со словъ перваго встрѣчнаго—два! Слѣдствіемъ такого благоразумнаго сознанія будетъ то, что г. Анофріевъ, прежде чѣмъ писать что-нибудь серіозное, поставитъ себѣ въ трудъ—собрать матеріалы изъ вѣрныхъ источниковъ, т. е., непосредственно отъ дѣйствующихъ лицъ или свидѣтелей происшествія и, кромѣ того, собравши этотъ матеріалъ—разработать его, кое-гдѣ справиться и кое-что прочитать! Вотъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, если-бы г. Анофріевъ не вѣрилъ слѣпо въ свою компетентность, а взялъ бы „Записки Охотника“ А. А. Черкасова,—трудъ, всѣми уважаемый, да развернулъ-бы стр. 372, то и прочелъ-бы, что „течка лосей начинается съ половины сентября“—разъ; на стр. 375—„Сохатиная матка носитъ около 8 мѣсяцевъ, такъ что въ концѣ апрѣля или началѣ мая находятъ уже молодыхъ телятъ...“—два! Если этого недостаточно, то могу рекомендовать г. Анофріеву взять выдающійся вкладъ въ нашу охотничью литературу—„Жизнеописаніе лося“—многоуважаемаго

Л. П. Сабанѣева, помѣщенное въ жур. въ 1875 году. И этого мало,—могу еще предложить статью г. Носилова—(Природа и Охота. 1890 г.) „Лоси на Уралѣ“. Вездѣ г. Анофріевъ убѣдится, что онъ впалъ въ ошибку, обвиняя меня съ братомъ въ убійствѣ стельной лосихи, и что онъ этимъ только себя скомпрометировалъ, — такъ же, какъ и въ баснѣ про кн. Ш.!

Для меня, охотника въ душѣ, обвиненіе въ томъ, что я убилъ стельную лосиху—тяжелое обвиненіе. Я помню, какъ какой то профанъ изъ остзейскихъ охотниковъ описывалъ въ журналѣ „Природа и Охота“ свое торжество — онъ застрѣлилъ стельную лосиху. Какія обвиненія, какія насмѣшки посыпались на него со стороны охотниковъ! И по дѣломъ! Охотникъ, а не шкурятникъ, никогда этого не сдѣлаетъ!—Про себя я могу смѣло сказать: я никогда не стрѣлялъ ни стельной лосихи, ни съ квохтаньемъ взлетающей тетерки, ни куропатки отъ цыплятъ, ни дупелей на току, ни утятъ линьковъ, и никакихъ тому подобныхъ шкурятничествъ и мерзостей не производилъ! И не г. Анофріевъ, а большое число охотниковъ—знакомыхъ мнѣ, въ обществѣ которыхъ я охотился въ губерніяхъ: Курской, Орловской, Полтавской, Воронежской, Московской, Петербургской, Ковенской, Витебской, Виленской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Харьковской и Курляндіи—никогда не замѣтили и, убѣжденъ, не слыхали за мной подобныхъ художествъ! Но именно потому-то, что я имѣю очень много знакомыхъ охотниковъ въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, я и счелъ необходимымъ опровергнуть взводимое на меня обвиненіе.

Ни брата, соучастника и руководителя моего въ этой охотѣ, ни отца съ матерью, которымъ хорошо были извѣстны подробности охоты—нѣтъ теперь въ живыхъ. Иными словами, интелигентныхъ, грамотныхъ свидѣтелей—нѣтъ, но я могу г. Анофріеву выставить цѣлый рядъ свидѣтелей изъ крестьянъ: нашъ бывшій кучеръ Василій Бѣловъ, непосредственный участникъ охоты, служитъ въ данное время у кн. Н. В. Гагарина, д. Качанова, Льговскаго уѣзда,—это недалеко отъ г. Анофріева; въ Воропаевой можно

спросить Николая и Григорія Акульцовыхъ, Василія Фескова, Семена Исаева; въ Погорѣльцовой—Павла и Герасима Кутузовыхъ, Якова Волкодава. Всѣ перечисленные мною люди такъ или иначе участвовали въ охотѣ.

Не могу не замѣтить, что г. Анофріевъ думалъ, вѣроятно, что и меня нѣтъ въ живыхъ, ибо такія несправедливыя обвиненія можно взводить только на мертваго.

Теперь остается еще одинъ вопросъ: что-бы мы дѣлали, еслибы охота случилась не въ августѣ, а въ апрѣлѣ, когда дѣйствительно лосиха могла-бы быть стельною?—Отвѣчу прямо: мы дѣйствовали-бы точно такъ же. Потомъ, узнавши суть нашей вины—мы бы горько раскаялись, но развѣ мы могли бы все сообразить во время? Повторяю, опытности за нами, какъ за звѣровыми охотниками, не могло быть тогда никакой. Случай оригинальный въ высшей степени. Обстановка охоты, молодость наша—я убѣжденъ—все это послужило бы оправданіемъ намъ въ нашемъ неохотничьемъ поступкѣ! Но, на наше счастье этого не случилось.

А вотъ интересно: какъ дѣйствовалъ бы въ нашемъ положеніи г. Анофріевъ? Разъ самъ г. Анофріевъ сталъ на почву предположеній, то и я могу сдѣлать тоже, а потому скажу: „повидимому“ г. Анофріевъ поступилъ бы слѣдующимъ образомъ:

Получивъ извѣщеніе о появленіи „невиданнаго звѣря“, г. Анофріевъ выѣхалъ бы на охоту съ такою же поспѣшностью какъ и мы.

Вотъ онъ пріѣхалъ къ мѣсту, гдѣ залегъ лось, въ данномъ случаѣ—къ поповской конопле; услыхавъ шумъ—лось поднимается и бѣжитъ въ поля. Но на г. Анофріева, увидавшаго не лося-самца, а самку, о чемъ онъ, какъ опытный звѣровщикъ моментально догадывается,—находитъ умиленіе... Гуманныя чувства берутъ верхъ надъ страстью охотника...

— Какъ? я буду преслѣдовать лосиху? О! нѣтъ! Стойте псари! Назадъ гончія! Вступить въ единоборство съ самцомъ сохатымъ—это героизмъ, но преслѣдовать м-мъ лось—нѣтъ! Это кровожадный поступокъ! Я неспособенъ на него!

Орлиный взглядъ г. Анофріева въ „высокой“ ржи замѣчаетъ особенную округленность боковъ лосихи... она ставитъ ноги шире обыкновеннаго... Охотникъ догадывается:

— Она тельная, голубушка моя,—восклицаетъ онъ.

Онъ рукоплещетъ самъ себѣ, своему гуманизму!

— Благословеніе мое на тя,—слышится ему въ воздухѣ голосъ изъ Ясной Поляны.

Но вдругъ—проза, реализмъ:

— Баринъ, баринъ! Что-же мы стоимъ? Уйдетъ лось! Убьютъ его Кармановскіе или Жигаевскіе мужики, какъ убили три года назадъ Мокрошинскіе,—кричитъ задыхающійся отъ волненія старый доѣзжачій.

Гуманный охотникъ непоколебимъ.

— „А ну ее! она вѣдь, голубушка, тельная,“ твердитъ г. Анофріевъ, поворачивая коня обратно въ свою Ануфріевку.

Но тутъ подбѣжавшая на оказію изъ крайняго двора Погорѣльцевская баба съ подтыканнымъ подоломъ и засученными по̀плечи рукавами—и та не выдерживаетъ:

— „Что-же вы рты то пораззёвывали“, горланитъ она.—Съ-подъ самаго носа звѣрь хвостъ показалъ! А еще охотники! Да гдѣ вамъ!..—рѣшаетъ она

— „Да, баринъ откуда она стельная? Вѣдь они съ весны съ телятами уже ходятъ, а теперь Успеніе на дворѣ!..“ не унимается доѣзжачій—„Ей-Богу! Убьютъ звѣря понапрасну Жигаевскіе ребята! Эхъ! Не жить бы на бѣломъ свѣтѣ!“ кончаетъ страстный охотникъ.

Тутъ г. Анофріева осѣняетъ мысль: а вдругъ правда? Вдругъ ее убьютъ кровожадные Кармановскіе мужики дубинами въ своей дубровѣ?

— „Догнать ее! взять! спасти“! Но ружья и борзая—это жестокія средства!

—„Соли, соли давай!“

Одинъ изъ проводниковъ борзятниковъ кидается къ той же подтыканной бабѣ, достаетъ соли, и—о торжество!—этимъ могучимъ средствомъ (другое трудно придумать) лосиха изловлена!... Г. Анофріевъ приводитъ ее въ свою

Ануфріевку, отводитъ ей въ липовомъ саду помѣщеніе, и нѣжными заботами своими достигаетъ одного изъ двухъ: либо лосиха въ неволѣ околѣваетъ, либо, взявъ барріеръ сада,—скрывается изъ владѣній гуманиста, но въ результатѣ—все-таки гибнетъ подъ ударами дубинъ Жигаевскихъ или Мокрошанскихъ мужиковъ!

Нѣтъ! Ужъ по моему съ такимъ мягкимъ сердцемъ, съ несвоевременнымъ гуманизмомъ—трудно быть охотникомъ! Можно развѣ охотиться за ягодами или грибами, что бываетъ очень занятно, въ особенности въ хорошей компаніи! И то ли дѣло, возвращаться съ грибовъ, въ тихій вечеръ, вѣтерочекъ чуть-чуть дышетъ, солнышко садится... и одинъ изъ грибовниковъ заводитъ фальцетомъ умилительную пѣсню:

„Охъ ты грибъ, ты мой грибъ,
„Мой зеленый грибъ.....

И куда милѣй эта пѣсня мягкосердечнымъ грибовникамъ, чѣмъ дикая по ихъ мнѣнію, а по нашему—молодецкая:

„Поле чистое, турецкое!...

А. А. Анненковъ.